

2) попытаться, пусть и в несколько видоизмененном варианте, сохранить политику мультикультурализма, либо выработать равнозначную ей стратегию ассимиляции для иммигрантов;

3) учитывая, что события на Ближнем Востоке затрагивают интересы ряда государств Европы, руководству ЕС необходимо выступить одним из модераторов на переговорах, посвященных локализации кризиса, поразившего регион.

В целом же Европейский проект наглядно продемонстрировал положительные и отрицательные стороны авторитаризма как политической модели в современном глобальном мире. Отказ от авторитарной политики или дальнейшее следование ей станет во многом решающим фактором для дальнейшего развития Европы.

Библиографический список

1. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответ на глобализацию. – М., 2001. – С. 692.
2. Журавлев А. Европа как антиамерика // Международные процессы. – 2007. – № 2.
3. Иноземцев В. Одержима ли Европа антиамериканизмом? // Россия в глобальной политике. – 2003. – № 1. – С. 201.
4. Лукьянов Ф. Оксесонная болезнь // Новое время. – 2010. – № 31. – С. 57.
5. Стрежнева М. Сетевой компонент в политическом устройстве Евросоюза // Международные процессы. – 2005. – № 3 (9), сентябрь – декабрь.
6. Троицкий М. Европейский союз: прерванный полет, или... // Международные процессы. – 2005. – № 2.
7. Тэтчер М. Искусство управления государством. – М., 2004. – С. 350.
8. Уткин А. «Новый мировой порядок». – М., 2006.
9. Уткин А. Глобальная политика в 21-м веке. – М., 2001.

© Вялых В. В.

УДК 316.032

СЕМЬЯ В ПАРАДИГМЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО МОДЕРНИЗМА И ПОСТМОДЕРНИЗМА

Л. Д. Козырева

Северо-Западный институт управления Российской академии
народного хозяйства и государственной службы,
г. Санкт-Петербург, Россия

FAMILY IN THE PARADIGM OF SOCIOLOGICAL MODERNISM AND POSTMODERNISM

L. D. Kozyreva

The North-West Institute of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Saint-Petersburg, Russia

Summary. The article analyses the problem of transformation of the institution of the family in the modern world. Presents methodological approaches of modernism and postmodernism. Discusses scenarios for a possible future family.

Key words: family; modernism; postmodernism.

Современные трансформационные процессы приобретают глобальный характер, захватывая не только новые территории, но и традиционные ценности и социальные институты. Институт семьи относится именно к таким институтам, которые менее остальных подвержены изменениям. Но сейчас мы являемся свидетелями значительных трансформаций и роли семьи в обществе, и ее социальных функций, даже структурных изменений, которые называли столетия в лоне семьи.

Совершенно очевидно, что эти трансформации, по сути, только начинаются. Но данные процессы нуждаются в научном осмыслении, формировании теоретических подходов, с помощью которых они могут быть познаны и, как след-

стве, – эффективно управляемы. Уже сегодня есть целый ряд интересных работ, посвященных исследованию проблем семьи с точки зрения модернистской и постмодернистской теоретической парадигмы.

Семья с позиций социологического модернизма

Модернизм в социологии имеет глубокие исторические корни. Истоки методологических подходов можно найти у К. Маркса, представителей англосаксонской школы социологии, которые пытаются создать теоретические модели, объясняющие развитие крупных социальных систем, их историческую эволюцию и современное состояние. Совершенно неслучайно американский историк социологии Дж. Ритцер называет К. Маркса, М. Вебера и Г. Зиммеля «теоретиками, которые занимались социологией современности» [7, с. 486].

На главный вопрос макросоциологии: в чём сущность современного общества, большинство социологов англосаксонской школы отвечают одинаково – это общество модерна. На этом, пожалуй, завершается всё то общее, что их объединяет. Дальше идут различия, причем довольно существенные. К примеру, Э. Гидденс называет современный этап общественного развития «высокой современностью», а Ю. Хабермас понимает современность как «незавершенный проект», которому еще предстоит развиваться в более полное социальное состояние – постмодерн.

Ключевым понятием теоретических построений социологов англосаксонской школы является понятие модернизации. Причем модернизация представлена в двух ее ипостасях: как процесс и как результат общественного развития.

Так, в работах У. Бека различие между традиционной модернизацией (Первый Модерн) и модернизацией индустриального общества (Второй, Другой Модерн) трактуется как различие между простой и рефлексивной модернизацией. Первая Модернизация привела к распаду сословного аграрного общества и формированию основ индустриального общества; вторая модернизация «размывает» контуры последнего, порождая новые общественные конфигурации.

Кроме того, в XIX в. модернизация проходила на фоне ее противоположности – традиционного унаследованного мира и природы, которую нужно было познать и покорить. На рубеже XX–XXI вв. модернизация свою противоположность поглотила, уничтожила и в своих индустриально-общественных предпосылках и функциональных принципах уничтожает самое себя. Так, к примеру, классическое индустриальное общество ориентировано на труд ради заработка. Его модернизация приводит к появлению скользящих графиков рабочего времени и смене рабочих мест, что стирает грани между работой и не-работой. Информационные технологии позволяют заново, поверх производственных секторов, связать в единую сеть предприятия, филиалы и потребителей. Таким образом, модернизация как бы устраняет прежние правовые и социальные предпосылки занятости: массовая безработица интегрируется через новые формы многообразной неполной занятости в систему занятости, со всеми вытекающими отсюда рисками и шансами. У. Бек утверждает, что модернизация индустриального общества заменяется модернизацией *предпосылок* индустриального общества.

Индустриальное общество уходит, по ироничной оценке У. Бека, «без политического треска» (революций, демократических выборов). Происходит «разлом» внутри модерна, отделяющегося от контуров классического индустриального общества и обретающего новые очертания – очертания (индустриального) «общества риска». Характеризуя общество риска, Бек подчеркивает, что в нем критерии стратификации традиционного общества (доход, образование, местожительство) отходят на второй план. Более того, вторичными оказываются различия между полами в их традиционном смысле.

Как отмечает У. Бек, особенностью социально-структурного развития западных стран (он доказывает это на примере ФРГ) является «*эффект лифта*»: общество поднялось на этаж выше. Бек показывает реальное противоречие современного западного общества. С одной стороны, сформировалась стабильная структура социального неравенства («отношения социального неравенства... остались константными»), с другой стороны, радикально изменились жизненные

условия населения. Таким образом, при всех намечающихся заново или сохраняющихся проявлениях неравенства происходит коллективное увеличение доходов, шансов на получение образования, удовлетворения социокультурных потребностей. В 50–60-х гг. прошлого века исчезает «пролетарская нищета», происходит «демократизация» в приобретении престижных товаров, собственное жилье появляется даже у вчерашнего «пролетарского бедняка» и т. д. На этой основе уменьшаются и практически исчезают субкультурные классовые идентификации и связи. Границы «классовых ареалов» постепенно исчезают, а на место последних приходят неодинаковые стили потребления, лишённые классовых атрибутов.

Одновременно идет другой процесс: процесс индивидуализации и диверсификации ситуаций и стилей жизни. По мнению У. Бека, последний «подтачивает иерархическую модель социальных классов и слоев и ставит под сомнение ее реальное содержание» [1, с. 112]. Происходит «индивидуализационный сдвиг», освобождающий людей от традиционных классовых привязанностей и превращающий их в активных творцов собственной, обусловленной рынком труда жизни [там же]. В таком обществе социальное неравенство не устраняется, а только переносится в область *индивидуализации социальных рисков*. В итоге общественные проблемы тут же оборачиваются психическими предрасположенностями: неудовлетворенностью собой, чувством вины, страхами, конфликтами и невротизмом и т. д.

Индивидуализационный сдвиг, индивидуализация – центральные понятия социальной теории У. Бека. Индивидуализация – далеко не новое понятие в социологии: его можно встретить у К. Маркса, Ф. Тённиса, Г. Зиммеля, М. Вебера и др. Все они рассматривали индивидуализацию как ключевой элемент модернизации. Чаще всего индивидуализация трактуется как «высвобождение» из привычного социального контекста и «реинтеграция» в новые контексты при переходе от традиционного к современному образу жизни.

В традиционном обществе индивидуализация существовала как единичное явление (к примеру, как духовный аскетизм протестантизма), как субъективно-биографический аспект процесса цивилизации (назовем ее «простая модель индивидуализации». – Л. К.). В эпоху модерна возникает сложная, обобщенная модель индивидуализации, предполагающая объединение трех процессов: освобождение от исторически заданных социальных форм господства и подчинения; утрату традиционной стабильности (знания, веры и принятых норм); формирование нового вида социальной интеграции, нового вида контроля.

У. Бек подчеркивает противоречивость процесса индивидуализации в эпоху развитого модерна. В этом процессе классовые различия не упраздняются, они отходят на второй план. Как отмечает другой крупный представитель современной англо-саксонской социологической школы Петер Бергер, в современном обществе происходит плюрализация и индивидуализация стилей жизни, жизненных путей и обстоятельств. С этой точки зрения индивидуализация представляется выражением изменений в значении социального неравенства при переходе от общества с сильно ограниченными ресурсами к состоятельному обществу [2, с. 14].

П. Бергер считает, что индивидуализацию следует рассматривать как структурный феномен, который может принимать самые разные формы и протекать с разной интенсивностью у каждого отдельного члена общества. В этом смысле можно говорить о стандартизации и дестандартизации моделей биографий. Стандартизация предполагает существование в обществе «типичных», «обязательных» для всех его членов моментов смены статуса. Дестандартизация означает то, что всё меньшее число людей меняют свой статус (например, начинают трудовую деятельность после окончания профессионального обучения) в один и тот же ограниченный возрастной период.

П. Бергер подчеркивает, что в современном обществе происходит переход от жестко институционализированных биографических моделей к более гибким индивидуализированным. Метафорически этот процесс он описывает как переход биографий от «железнодорожной модели» к «автомобильной модели».

В «железнодорожной модели» биографии существуют заданные остановки для посадки, пересадки, выхода, кроме того, заданы путь следования и скорость передвижения, действует фиксированное расписание, и выходить во время движения по понятным причинам запрещено. «Автомобильная модель» предоставляет большую гибкость в отношении выбора времени отправления, пути следования, скорости передвижения, позволяет делать перерывы и двигаться в объезд, выбирая более привлекательные ландшафты [2, с. 20].

Таким образом, современное общество структурируется не по классовому критерию, а по критерию стиля жизни, социальной среды (мильё). Эта идея далеко не нова в социологии, она уходит своими корнями в теорию органической солидарности Э. Дюркгейма, согласно которой люди в обществе объединяются не на основании сходства, а на основании различия. Понятие «мильё» Э. Дюркгейм ввел для обозначения групп акторов в масштабе всего общества. Согласно идеям французского социолога, класс – частный случай мильё, возникающий лишь тогда, когда мильё господствующих и мильё подчиненных находятся в состоянии непримиримого конфликта.

В 70-х гг. прошлого века концепция «мильё» уточнялась П. Бурдье, методологические подходы которого легли в основу исследований современной англосаксонской школы. В начале 90-х гг. под руководством Михаэля Фестера в Германии были проведены масштабные опросы, позволившие количественно определить панораму мильё в современном обществе. В основу разграничения мильё были положены образцы повседневного образа жизни. Примечательно то, что в качестве методов получения первичной информации социологами использовался значительный арсенал качественных методов: нарративные интервью, дискуссии в фокус-группах и т. д. На их основе с применением герменевтических методов удалось идентифицировать типы хабитуса.

Прослеживая развитие мильё в течение более чем 20 лет, немецкие социологи утверждают, что все мильё при всём их многообразии можно свести к пяти большим «генеалогическим ветвям»: двум верхним, двум средним и одной нижней. Они разделяются так называемой «линией респектабельности». Высшее буржуазное мильё и респектабельное народное мильё, составляющие почти 90 % населения, находятся выше «линии респектабельности», под этой линией расположены неблагополучные мильё, которые низко квалифицированы и не пользуются уважением в обществе [11, с. 14]. По сути, оказывается, что новые мильё – это продолжение прежних сословий, классов и слоев. Как подчеркивает М. Фестер, подобным образом стратифицировано общество не только в Германии, но и в Великобритании, Франции, Италии.

Семья как институт воспроизводства социального неравенства

В современном обществе, во многом стирающем проявления социального неравенства, семья остается первичным институтом, подчеркивающим его значение. Социальное неравенство проявляется в раннем возрасте ребенка: в месте проживания семьи, материальной обеспеченности, круге общения и т. д. Есть исследования, показывающие влияние группы сверстников на вторичную социализацию, к примеру, окружение способствует или подавляет интерес к образованию у ребенка. В них сделан вывод: родители – осознанно или неосознанно – через социальную принадлежность первых друзей своих детей задают рамки общепринятых и желаемых стандартов в образовании, о которых дети узнают от своего непосредственного окружения [4, с. 112].

Влияние семьи на воспроизводство социального неравенства на различных этапах жизни человека (индивидуальной биографии) показано в табл. 1 [4, с. 115].

**Основные этапы воспроизводства социального неравенства
в индивидуальной биографии**

Биография	Вклад родителей	Последствия для детей	Последствия для неравенства
Детство и юность (период совместного проживания с родителями)	Деньги, время, пространство: место и район проживания, дом, сад, комната, игрушки, одежда, спортивный инвентарь, компьютер, книги, уроки музыки, путешествия, карманные деньги, язык, воспитание, образование	Качество жизни в детстве и юности. Социальное признание (напр., реакция детей на игрушки, фирменную одежду, компьютер, путешествия). Друзья (в районе проживания). Образование (любопытность, язык, путешествия, компьютер, книги, музыка)	Неравенство качества жизни у детей и подростков. Основа для неравенства, которое сохраняется на протяжении всей жизни
	Ожидание, время, деньги (школьные принадлежности, оплата репетитора)	Выбор школы и успеваемость (базовая школа, реальная школа или гимназия)	Неравенство в образовании имеет огромные последствия для последующего неравенства в профессии, доходах, престиже, карьере, выборе партнера, здоровье, продолжительности жизни, в ситуации безработицы и избыточной квалификации, имущественного неравенства
	Ожидания, информация, связи, деньги (место обучения на предприятии, практика, длительные поездки за границу)	Выбор профессии и карьера	Неравенство в профессиональном образовании и карьере
Период взрослой жизни (мультилокальность)	Денежные переводы и подарки (регулярные денежные переводы, денежные и предметные подарки, поручительство). Время (напр., помощь в воспитании внуков)	Качество жизни во взрослом возрасте. Инвестиции в образование и профессию (напр., зарубежные поездки, обучение, повышение квалификации).	Неравенство в качестве жизни у взрослых

		Накопление имущества (напр., недвижимость)	
	Дарения, передача имущества	Качество жизни и имущество	Увеличение уже существующего неравенства
	Наследование	Качество жизни и имущество (квартира, культура, путешествия, стабильность, независимость, влияние в семье)	Кардинальное увеличение уже существующего неравенства

Как видим, такой подход к периодизации индивидуальной биографии вполне правомерен с точки зрения модернистской объяснительной парадигмы. Он характерен для многих отечественных работ, посвященных проблемам семьи как социального института и малой группы.

Семья в эпоху постмодерна

В последнее время появился целый ряд плодотворных в методологическом отношении работ, анализирующих проблемы семьи в рамках постмодернистских концепций. Наступление новой исторической эпохи, реалии которой невозможно описать с помощью терминов эпохи модерна, приводит к появлению постмодернистской социальной теории, которая представляет собой новый теоретический дискурс, «новый тип теоретизирования о социальном мире» [7, с. 540]. Как подчеркивает Дж. Ритцер, модернистская социальная теория стремилась к универсальному, внеисторическому, рациональному обоснованию своего анализа и критики общества. Постмодернистская – отвергает эти поиски основания и склоняется к релятивизму, иррационализму и нигилизму.

Общая методологическая установка постмодернизма, провозглашающая торжество внеструктурного и нелинейного способа организации целостности, открывает широкие возможности для поиска самых разнообразных исследовательских подходов. Это многообразие подходов объясняется поливариантностью социального развития и весьма одобряется теоретиками постмодернизма – и западными, и отечественными.

Так, в работах отечественного ученого С. Ушакина, последовательно реализующего постмодернистскую методологию, предлагается новый – пространственный подход – к исследованию проблем современной семьи. В рамках этого подхода семья трактуется как социальное пространство с условными границами, где, к примеру, количество и длина линий родства (как и протяженность пространства) «отражают лишь качество доступной измерительной техники» [10, с. 35].

Интересным представляется анализ проблем семьи в эпоху постмодерна, содержащийся в статье Т. В. Савинковой [8, с. 66–74]. Автор обоснованно утверждает, что в эпоху культурного сдвига, когда всё становится конвенциональным, перестает выражать внятные смыслы и укладываться в принятые дефиниции, институт семьи не может сохранить прежние социокультурные параметры.

Т. В. Савинкова акцентирует внимание на тех новых феноменах, которые возникли в эпоху постмодерна. Во-первых, это многовариантность семейных союзов, принципиально меняющая условия и характер личностной, социальной и культурной идентификации индивидов. Во-вторых, размывание внутренней иерархичности семьи, социальных статусов и ролей ее членов (дезорганизация систем родства, стирание границ между поколениями и т. д.). В-третьих, утрата значения семейного капитала, который не имеет смысла в эпоху «конца истории».

С позиций постмодернизма оправданным является факт того, что из семейного законодательства в Европе исчезают привычные гендерные обозначения, а положение семьи всё больше зависит от ее потенциала. Развитые европейские страны стремятся разрабатывать культурные схемы ответственного родительства, создавать благоприятствующую семье социальную среду, регулировать деление и объем родительских функций. Так, в последнее время общественные институты стремительно реорганизуются вокруг новой, нормативно продвигаемой, поведенческой модели родителя-отца, способного к выполнению любой работы по уходу / воспитанию за детьми и их обеспечению [9, с. 86–102]. Исследователи подчеркивают, что изменение традиционных гендерных ролей в семье приводит к возникновению феномена, получившего название «отцы нового образца» (*neue Vater*) и «мужья нового образца» (*neue Manner*) [5, с. 98].

С позиций постмодернистской социальной теории с ее идеями о незавершенности и преходящем характере социальных процессов легко объяснимо представление о транзитивности брака, доминирующее в сознании некоторой части мужчин. Речь идет о «цепочечной» модели брака, где «настоящему» браку предшествуют некие промежуточные звенья – «черновые» браки [3, с. 92].

На наш взгляд, здесь мы имеем дело с трансформациями, которые меняют сущность семьи как социального института. Они будут иметь серьезные социальные последствия, которые проявятся только через несколько поколений.

Семья: новые формы отношений

В современной западной социологии появляются весьма интересные работы, в которых содержатся идеи будущего семьи в эпоху глобализации. Мартина Риттер пишет о нескольких сценариях возможного развития отношений между мужчиной и женщиной, которые в новую эпоху формируются как отношения между *Global Players* («глобальными игроками») [6, с. 132–135].

Первый сценарий (для партнеров с высокой степенью мобильности) предполагает длительное поддержание дружеских отношений (с помощью современных средств коммуникации) при редких личных встречах. В этом случае у обоих партнеров временно «замораживаются» такие эмоции, как симпатия, доверие и желание, которые при личной встрече целенаправленно «вызываются» на короткий период времени. Здесь отвергаются все формы, которые предполагают заботу о детях, пожилых родителях или больных партнерах.

Второй сценарий (для мужчины с высокой степенью мобильности). Семья для мужчины – путешествующего и насквозь рационализированного – превращается в «тихую гавань», пространство для отдыха, где он в качестве особого гостя. Женщина становится организатором частной сферы, она регулирует отношения с друзьями, с соседями, осуществляет уход не только за детьми, но и за пожилыми родителями. В этом случае возможен вариант существования «в дальних краях» другой семьи, помимо основной (первой) семьи.

Третий сценарий (для мужчины в фазе, наступающей после активной и ориентированной на успех профессиональной деятельности). Создание семьи с более молодой женщиной происходит в момент некоторого профессионального истощения и личностного кризиса в среднем возрасте. Устроение семейной жизни осуществляется молодой женой, которая при хорошем финансовом обеспечении прерывает (завершает) фазу своей профессиональной деятельности или переходит на неполный рабочий день. Более зрелые мужчины превращаются чаще всего в свободного от забот умиротворенного семьянина.

Четвертый сценарий (для равноправных партнеров). Совместная жизнь партнеров, финансовое обеспечение которой требует занятости их обоих, предполагает приблизительно равное распределение обязанностей между мужчиной и женщиной. Уход за детьми организуется в самостоятельно построенной социальной сети, состоящей из друзей, родственников и соседей, если оба родителя работают одновременно. В такой семье формируются новые представления о мужском и женском, которые имеют более эгалитарную структуру.

Совершенно очевидно, социальная практика в будущем представит новые формы отношений между полами. Возникновение новых форм, в свою очередь, потребует дальнейшего развития социологической теории, обобщающей практику социального развития.

Библиографический список

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
2. Бергер П. Индивидуализация и изменение значения социальных неравенств // Социальное неравенство. Изменения в социальной структуре: европейская перспектива. – СПб. : Алетейя, 2008. – 162 с.
3. Елютина М. Э., Быкова Н. О. Асимметричный по возрасту брак в оценках супругов // Социологические исследования. – 2012. – № 1. – С. 83–94.
4. Зидлик М. Воспроизводство социального неравенства в биографиях // Социальное неравенство. Изменения в социальной структуре: европейская перспектива. – СПб. : Алетейя, 2008. – 162 с.
5. Иудин А. А., Шпилев Д. А. Основные направления исследования проблем семьи в современной Германии // Социологические исследования. – 2012. – № 1. – С. 94–105.
6. Ритгер М. Гендер и социальная структура: значение приватной сферы в исследованиях социального неравенства // Социальное неравенство. Изменения в социальной структуре: европейская перспектива. – СПб. : Алетейя, 2008. – 162 с.
7. Ритцер Дж. Современные социологические теории. – СПб. : Питер, 2002. – 686 с.
8. Савинкова Т. В. Институт семьи в эпоху постмодерна // Настоящее и будущее социальных технологий. Социальные технологии XXI века: инновации и реальность : мат-лы IX междунар. науч.-практ. конф. – СПб. : Изд-во СЗИ РАНХиГС, 2012. – С. 66–74.
9. Сизова И. Л. «Новое отцовство» в свете традиций и новаций семейной политики в Европе // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2012. – Т. 15. – № 1. – С. 86–102.
10. Ушакин С. Место-имени-я: семья как способ организации жизни // Семейные узы: модели для сборки : сб. ст. В 2 кн. Кн. 2. – М., 2004. – 520 с.
11. Фестер М. Социальные милье, классы и стили жизни в Западной Германии // Социальное неравенство. Изменения в социальной структуре: европейская перспектива. – СПб. : Алетейя, 2008. – 162 с.

© Козырева Л. Д.

УДК 130.2:572:115.4

АНТРОПОЛОГИЯ НЕОПАТРИСТИЧЕСКОГО СИНТЕЗА

А. В. Голубицкая
Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова,
г. Одесса, Украина

ANTHROPOLOGY OF THE NEO-PATRISTIC SYNTHESIS

A. V. Golubitska
Odessa National University named after I. I. Mechnikov, Odessa, Ukraine

Summary. The author presents the original view on an anthropological conception of The Neo Patristic Synthesis. The article analyzes current debates around this anthropology. Generally, an analysis of sources serves of this conception to clarify what an anthropology of The Neo Patristic Synthesis is and what it is not.

Key words: a soul; a body; a person.

«Теперь уже стало общим местом, что богословие должно быть антропологией», – писал о. Иоанн Мейендорф, один из ведущих представителей неопатристики, ставшей сегодня магистральной линией современной восточнохристианской теологии [10].

На данный момент существует достаточно широкий круг обзорных исследований, посвящённых анализу восточнохристианской антропологии в целом. Это работы В. В. Зеньковского, А. Лоргуса, О. Давыденкова, М. Дронова, Р. Б. Введенского, М. Я. Дворецкой, О. Клемана, А. А. Королькова, А. Кырлежева, В. П. Ле-